

УРАЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

После окончания войны жизнь в деревне оставалась исключительно тяжелой. Победа принесла надежды на счастливую и спокойную жизнь. Во второй половине 1940-х гг. власти предприняли ряд мер по подъему сельского хозяйства. Однако мероприятия носили преимущественно организационный характер и отражали курс на экстенсивное развитие. Экстенсивная направленность программ восстановления и развития сельского хозяйства определялась прежде всего тем, что они исключали главный элемент интенсификации – человека, и не обеспечивали заинтересованности колхозников в своем труде. Фронтвики, вернувшись в родные места, были горды своим участием в Победе. Писатель Е. Носов верно заметил: "Потом ведь в их жизни почти ничего стоящего не было. Он вернулся с фронта и опять как бы опустился до уровня пастуха ли, трудяги простого, сторожа магазинного. Он вернулся в деревню Ванькой и этим Ванькой остается всю жизнь".

С 1930-х гг. сложилась двухуровневая система сельскохозяйственного производства, состоявшая из обобществленного колхозного хозяйства и личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Уставом 1935 г. право на ведение подсобного хозяйства было поставлено в прямой зависимости от членства крестьянского двора в колхозе¹. Несмотря на то, что ЛПХ по идее служило потребительским нуждам колхозного двора, государство выкачивало ресурсы, как с колхозного производства, так и с ЛПХ. Устав определил размер приусадебной земли в размере от 0,25 га до 0,5 га. Каждый колхозник имел право содержать одну корову, до двух голов крупного рогатого скота, 10 овец и коз, птиц, кроликов, до двух ульев пчел. Размер приусадебного участка и личного хозяйства был дозирован так, чтобы мог обеспечить минимальное воспроизводство семьи колхозника. С этого крошечного участка земли крестьяне кормились, а также платили налоги – денежный и поставки мяса (независимо от того, имел ли крестьянин в своем распоряжении скот и птицу). Лишившись посевов, колхозники могли получать хлеб только из одного источника – из колхоза на трудовни.

Чтобы дальше "стимулировать" трудовую активность колхозников, в 1939 году введен обязательный минимум трудовых дней, в 1942 г. он был повышен. На практике это означало, что право на ведение подсобного хозяйства было поставлено в зависимость не только от членства в колхозе, но также от участия в обобществленном производстве. В этой системе главным рычагом управления властей колхозниками стали меры, направленные на расширение или, наоборот, на ограничение права на ведение подсобного хозяйства. Во время войны возможности ведения подсобного хозяйства были расширены, чтобы компенсировать катастрофическое падение производства в колхозном производстве под натиском мобилизации.

Послевоенные годы видели новую кампанию, направленную на борьбу с нарушениями Устава сельскохозяйственной артели в области размеров приусадебных участков. В 1946 г. началась крупномасштабная кампания по борьбе с нарушениями Устава сельхозартели, главной целью которой был контроль землепользования. В результате работы комиссий колхозам были «возвращены» по области около 95 тыс. га, но в большинстве случаев это приводило к нерациональному использованию угодий, а нередко и к запустению ранее обрабатываемых площадейⁱⁱ. Заготовки сельскохозяйственных продуктов государство распределяло в равной мере на колхозы и на приусадебные участки. Зерно, зерновые и технические культуры заготавливались за счет колхозной продукции, в то время как для заготовок мяса, молочных продуктов, овощей значение приусадебных участков было намного больше, чем их скромная доля в земельных угодьях, предполагалось при этом, что колхозное население еще и питалось с них. Объяснение этому скрылось в несообразных усилиях колхозников на своих участках и в неэффективности колхозного производства.

Безусловно, тяжелые военные годы сыграли свою роль, но нет никакого сомнения в том, что основной причиной неумения сталинской колхозной системы поднять производительность труда было полное пренебрежение человеческим фактором в производстве, отсутствие адекватного вознаграждения за труд в обобщественном хозяйстве. Колхозники получали за свою работу по остаточному принципу после выполнения всех без исключений «обязательств перед государством» и без учета соразмерности этих выплат с предоставляемыми усилиями. В результате колхозное население сосредоточивало усилия на свои приусадебные участки – основной источник продуктов, необходимых для физического выживания, и стремилось работать в колхозе по остаточному принципу. В отсутствии материальных стимулов к труду в колхозном производстве взаимоотношения власти и крестьянства были построены на трудовой повинности и административных мерах воздействия. Обязанности колхозников по отношению к победителю государству были разнообразными и многочисленными. Это и обработка колхозных полей и уход за общественным скотом. Нерадивые и неисполнительные наказывались. Это и содержание собственного скота и обработка во внерабочее время собственного приусадебного участка, при этом с этого клочка земли необходимо было платить налоги и выполнять мясоставки государству.

Это и поддержание в порядке дорог, строительство хозяйственных помещений, лесозаготовки, торфозаготовки. Это и содержание учителей, бухгалтеров и счетоводов. Это и служба в армии. Это и участие в колхозных собраниях и общественных мероприятиях. Чтобы колхозник не уклонялся от этих повинностей, он был лишен права на свободу передвижения. После введения паспортной системы в 1933–1935 гг. выезд из деревни был возможен только с разрешения администрации (сельского совета).

Попытки колхозного населения уклоняться от повинностей встречались карательными мерами, от наложения штрафов и дополнительных налогов

вплоть до массовых репрессий. Репрессии крестьян продолжались до 1950-х гг., принимая различные формы и размах. Ярво выраженная волна репрессий проводилась, начиная со второй половины 1948 г., на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». На места было разослано закрытое письмо ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР «О задачах партийных и советских организаций в связи а предстоящим проведением мер по выселению в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни», с которым были ознакомлены районные партийные и советские работники. Репрессиям подвергались колхозники, которые не вырабатывали минимум трудодней, самовольно покидали колхозы, ловили рыбу и охотились в государственных лесах, занимались каким-либо ремеслом (шитьем одежды, изготовлением валенок). Кампания охватила практически все колхозыⁱⁱⁱ. Репрессии на селе были составной частью системы государственного управления сельским хозяйством. Лишь после смерти диктатора в 1953 г. их уровень спал.

Отрицательные последствия лавинообразно возрастали при планировании таких крупномасштабных мероприятий, как электрификация деревни и укрупнение колхозов. Инициатором сельской электрификации в стране была Свердловская область, затем это движение охватило всю страну. Ее проведение опирались на мощный промышленный потенциал. К 1950 г. электроэнергию получали 87 % колхозов и 97 % МТС. Однако, несмотря на впечатляющие успехи, электрификация не принесла ожидаемых результатов. Вследствие низкого качества из 675 электростанций не работали 101. Маленькие станции были нерентабельны, в 1952 г. их стали закрывать. На строительство же малых электростанций хозяйства затратили около 127 млн. рублей. Постепенно началось присоединение колхозов, МТС и совхозов к государственным электросетям. Это позволило добиться того, что к началу 1953 г. все МТС и совхозы, а также 82 % колхозов Свердловской области использовали электроэнергию^{iv}.

В очень трудном положении после войны оказалось животноводство. Принятый в 1949 г. трехлетний план его развития предусматривал увеличение поголовья скота, рост продуктивности, улучшение породности. Запланированные производственные показатели оказались нереальными. Чтобы выполнить плановые задания к отчетному периоду, колхозы покупали скот у населения. Ситуация резко обострилась в 1950 г., когда в связи с укрупнением колхозов в одночасье были ликвидированы мелкие фермы, а для создания крупных у хозяйств не было ни средств, ни сил.

К началу 1950-х гг. сельское хозяйство региона добилось некоторых результатов. Если объем сельскохозяйственной продукции 1945 г. взять за 100 %, то в 1950 г. он составил 165 %. Урожайность зерновых возросла с 7,5 ц с га в 1946 г. до 9,1 ц с га в 1950-м. Однако довоенного уровня достигнуть не удалось. Противоречивость ситуации в аграрном секторе заключалась в том, что достигнутые производственные результаты не облегчили тяжелое

экономическое положение колхозов, кризис только усугубился. Конфискационно-заготовительная и налоговая политика подрывала внутренние ресурсы аграрной экономики. Не осталось возможностей даже для простого воспроизводства. Большинство хозяйств имели задолженности по обязательным поставкам и по натуроплате МТС.

Одним из показателей колхозного производства являлась оплата трудодня. В послевоенный период она была настолько незначительной, что только за счет доходов от приусадебного хозяйства колхозники обеспечивали свое существование. Стоимость трудодня, по которой оценивался труд колхозника в 1950 г., включала в среднем 48 коп.; 1,15 кг зерна; 0,08 кг картофеля; 0,17 кг овощей и 0,24 кг сена¹. Неудивительно, что в послевоенные годы усилился миграционный отток из деревни, а также выросло количество колхозников невыработавших минимум трудодней. Сельчане уходили на промышленные предприятия через организованный набор, или мигрировали стихийно. Чтобы задержать людей в колхозах, использовали административные меры, не выдавали справки, дававшие право на получение паспорта.

Массовая демобилизация армии несколько затормозила сокращение сельского населения, но не остановила его. Если в 1944 г. в Свердловской области в сельской местности проживало 869,6 тыс. человек, то в 1947 – 830,6 тыс., в 1951 – 810,8 тыс. Еще больше сократилась численность трудоспособных колхозников – с 261,1 тыс. человек в 1940 году до 168,4 тыс. в 1950 г.

Начало 1950-х гг. связано с сильным сокращением сельскохозяйственного производства. В 1951 г. его объем составил 85,6%, а в 1952 – 77,7 % от уровня 1950 г. Одной из причин нарастающего кризиса стало массовое укрупнение колхозов. Масштабность укрупнения колхозов фактически переросла рамки просто организационных изменений и оказала влияние на все стороны жизни деревни. Идеологическую основу этой кампании составила идея превосходства крупного хозяйства над мелким по аналогии с промышленностью. В Свердловской области с осени 1950 г. количество сельхозартелей уменьшилось с 2124 до 957, а к 1953 г. – до 721 хозяйства². Объединение осуществлялось административными методами, при этом мнение колхозников чаще всего не учитывалось. Как и во времена коллективизации, в деревнях стали забивать скот, растаскивать колхозное имущество. Это была попытка поднять экономику огромного количества слабых в экономическом смысле хозяйств за счет их более зажиточных соседей, происходило перераспределение средств между колхозами.

В результате увеличения земельных фондов колхозов выросли налоги и размеры государственных поставок, натуроплаты МТС, одновременно выросли затраты на внутренние коммуникации и себестоимость продукции. Если в 1948 г. убытки колхозов составляли 508 тыс. рублей, то в 1952 г. – уже 5022 тыс. рублей, т. е. выросли в 9,9 раза. Особенно тяжело сказались последствия укрупнения на состоянии животноводства. Началось сселение малых деревень.

Самой отличительной чертой сталинского периода в существовании колхозной системы производства, однако, был катастрофически низкий уровень жизни на селе. Доходы колхозников были значительно меньше, чем доходы

любой другой категории населения. Крестьяне были самой бедной и материально неблагополучной группой населения. Только смерть И. Сталина и кризисное положение в сельском хозяйстве страны заставили руководство корректировать аграрную политику, одним из основных направлений которой стал курс на улучшение жизни колхозников. Факторами, тормозящими улучшение материального состояния колхозников, были: жесткая налоговая политика, низкая оплата труда в колхозном производстве и политика властей на ограничение личных подсобных хозяйств. Условия жизни колхозного крестьянства определялись его униженным правовым статусом в обществе. Колхозники не имели ежегодных отпусков, не получали выплат во время болезни, не было оплачиваемых отпусков по беременности и родам для колхозниц, почти никто из колхозников не получал пенсий.

Документы убедительно свидетельствуют, что даже в относительно благоприятные годы оплата труда в «общественном» хозяйстве могла обеспечить лишь полугодичное существование. С тем, чтобы выжить в этих условиях, большинство крестьян прибегали к апробированным методам поведения: сокрытию объектов обложения, невыполнению своих денежных и натуральных обязательств в срок, хищениям колхозного имущества, уклонению от работы на колхозных полях и фермах, первоочередной работе в личном хозяйстве, бегству из деревни. Особые приемы амортизации негативных последствий сверхнормативного обложения применяли колхозные начальники всех уровней: от учетчиков и кладовщиков до бригадиров и председателей. Основываясь на подобных фактах, можно прийти к вполне определенному выводу, имеющему принципиальное теоретическое значение. Даже утрачивая экономические черты, свойственные своему классу, превратившийся в колхозника сельский житель все еще оставался крестьянином по своему менталитету. Постоянно балансируя на грани выживания, большинство колхозников в новых условиях культивировало нормы моральной экономики и в целях самосохранения обращалось к обычным для крестьянства поведенческим стратегиям, лишь приспособлявая их к новым условиям.

Для преодоления кризиса в сельском хозяйстве, повышения жизненного уровня колхозников, необходимо было изменить направленность аграрной политики, смягчив ее конфискационный характер и повысив заинтересованность сельских жителей к их труду. Смерть И.В. Сталина стала началом нового этапа в жизни страны. Пересмотр основных направлений аграрной политики был предпринят на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1953 г.

Примечания:

¹ Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 /сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М., 2006. С. 27–36.

² Там же. С. 639–645

³ Там же. С. 646–655

⁴ Там же. С. 805

⁵ Толмачева Р.П. Колхозы Урала в послевоенные годы. Томск, 1981. С. 56.

⁶ Там же. С. 85.